

ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.11)*

УДК 101

О.Р. Чепьюк*Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского**г. Нижний Новгород, Россия*

cheryuk@iee.unn.ru

**БЕССУБЪЕКТНОСТЬ В ЭКОНОМИКЕ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН КАПИТАЛИЗМА¹****[*Olga R. Cheryuk* Subjectless economy:
the social and cultural phenomenon of capitalism]**

The role of a person in the modern economic system is of high current interest. Man in economics has different statuses, which change in conjunction with the main periods of evolution of socio-philosophical thought (types of rationality). Relying on the socio-philosophical methods of research, the author explains that as a result of the change in the status of an economic subject, a special perspective of research was adopted in economic science. It can be defined as "subjectless economy". There are at least four forms of subjectless economy. However, regardless of the classification chosen, the subjectless economy is not an independent, but an epistemological phenomenon. It depends on the point of view on the subject of economic research. Rising to the concept of "death of the author" R.Bart (M.Fuko), lack of subjectness in the economy reflects its deontologization. Now it has become the keynote of economic relations. When the subjectless economy will come to an end, the economics of empathy or the economics of humaneness, could be established. It will have taken place only through the intrasubjectivity of economic actors, including the renewal and humanization of the phenomena of leadership and passionarity.

Key words: philosophy of economics, rational subject, subjectless economy, performativity, postnonclassical rationality, social reproduction, leadership, "author's death".

Для социально-философского анализа общественных и социокультурных явлений проблема субъекта, в своих различных аспектах, являлась одной из базовых предпосылок. Однако уже в классической западной философии субъект стал *универсальным*. Как справедливо замечает Н.С. Бердяев: «Греческая философия, несмотря на лозунг «познай самого себя», стремилась к познанию единого универсального и неизменного, и отвращалась от множественного и подвижного мира» [2, с.372]. В «чистой» теории И. Канта субъект

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00152.

ект хозяйствования идеализировался, стал глобально-действующим, усредненным индивидом. Для вопроса о кантовском субъекте были важны условия, при которых объект в нем отражается. В свете постклассической рациональности, отражение стало взаимным, а субъект и объект стали неделимой субъект-объект системой. И хотя универсальный подход к вопросам хозяйствования, предложенный К. Марксом, дает возможность обрести «космическое знание труда» [3, с. 66], предпринятые усилия не позволили охватить труд во всех его проявлениях, «от пахаря до звездочета» [3].

Другой ракурс исследований, предопределивший современное состояние вопроса, выразился в формировании базовой антропологической модели. Он связан с появлением в науках о хозяйстве так называемого «экономического человека». Эта модель отличается «упрощением» сложного образа личности не только с точки зрения психологических, но и социокультурных, национальных, биологических особенностей. Критика рациональности экономического поведения, подробно раскрывается в работах как зарубежных (Ф. Майровски, У. Мяки), так и отечественных специалистов (В.С. Автономова, Н.А. Печерских, О.И. Ананьина). Рациональное поведение экономического субъекта, которое преимущественно направлено на оптимизацию хозяйственных процессов, стало, в итоге «перевернутой» моделью «разумного эгоизма» (Б. Спиноза), своеобразной вариацией на тему «калькулирующего мышления» (М. Хайдеггер).

Таким образом, в науках о хозяйстве эпистемологически возникли два прямо противоположных подхода к анализу и статусу субъекта: а) исследование экономики, лишенной человеческого присутствия; б) анализ мотивационных моделей человека в рамках экономической действительности. Предприняв «бегство» от проблемы человека, как в свете «чистого» исследования универсальных процессов (рыночное ценообразование, законы производства прибавочной стоимости), так и с помощью антропологической модели (RREEMM У. Меклинга), в экономической науке стал утверждаться особый ракурс исследования, который предлагается обозначить, как «бессубъектность».

Признавая ведущую роль личности для общественного воспроизводства («экономика знаний», «инновационная экономика»), сам индивид оказывается вне ракурса научного исследования. Он распознается через призму институтов, «учитывается» при разработке государственных экономических регу-

ляторов (неокейнсианство), растворяется в «относительных» мифах о самоорганизующейся силе рынка («неоавстрийское течение»). Появление альтернативных теорий экономического исследования воодушевило отдельных экономистов на разговоры о «возвращении» человека в дискурс наук о хозяйствовании. Однако философско-антропологический анализ подходов институциональной, поведенческой, неоавстрийской экономики позволяет лишь расширить классификацию феномена бессубъектности в науках о хозяйстве.

Исследуя и организуя процессы «вокруг» человека под лозунгами «для человека», степень осознанного вовлечения индивида в процессы хозяйствования нивелируется. Феномен «отчуждения» обретает новые коннотации: до «отчуждения каждого, в отдельности, от самого себя» [1, с. 367], «отчуждения» между «человеком и человечеством» вследствие «закона ускоренного производства информации» [12, с. 216] или «отчуждения людей от людей», которые становятся жертвами манипуляций со стороны символов и вещей, и даже отчуждения человека и его «цифрового двойника» – проекции человеческих действий в цифровой сфере, которые развиваются отдельно от человека благодаря искусственному интеллекту. Как результат – безразличное экономическое поведение (производителя к клиенту, сотрудника и управляющего, контрагентов между собой) становится условием выживания (конкурентоспособности) в мире современной экономической коммуникации. «Конкретная связь одного человека с другим утратила свой прямой и гуманный характер и обрела дух манипулирования и инструментальности» – такую характеристику этому процессу дает Э. Фромм [9, с.120].

В свете исследований перформативности в экономике утверждается наличие взаимобратной связи между теорией и практикой хозяйственной деятельности. Однако сама эта связь особенная. Как показывает М. Каллон, она подобно тому, как формула «Блэка-Шоулза», благодаря ее успешному использованию на практике, формирует целый «мир» экономической коммуникации [13]. Развивающий идеи М. Каллона, Д. МакКензи отмечает: «Экономика не описывает существующую внешнюю «экономику», но делает эту экономику реальностью: экономикс *осуществляет* экономику, создавая явления, которые он описывает» [15, p.108]. Таким образом, «полезные» теоретические утверждения не только дают качественное новое представление об экономике, но они «включаются» в само пространство наблюдения, меняют,

формируют, участвуют в ее воспроизводстве. «Перформативность» экономики с точки зрения коммуникации может быть эксплицирована как «презентабельность», «доступность», «коммуникативная открытость», «эпатажность», «перевод внутренних смыслов во внешние проявления» [7, с. 350]. А это, в свою очередь, фактор формирования «бессубъектности» экономического пространства, проявления в экономике «императива без адресата» [11, с. 55], который можно рассматривать как одну из причин экономических кризисов.

Делая шаг в сторону бессубъектности, экономика выходит за границы социальной и личностной рефлексии, превращаясь в «противостоящее» человеку пространство («отчуждение»). В результате «освоение» экономики становится бесконечным процессом: ментально индивид становится «заложником» исторических процессов, границы его личной ответственности за хозяйственные действия сужаются. Отсюда – рассуждение о необходимости развития искусственного интеллекта можно рассматривать как повод к «уходу» от личной ответственности. Как справедливо отмечается в исследовании А.М. Руденко и Е.В. Волоховой: «Человеческое Я, утрачивая собственную меру ответственности, перестает быть потенциатором бытия, растворяясь в деиндивидуализированном пространстве современной техногенной инфраструктуры» [6, с. 65].

Сознательная хозяйственная деятельность человека не только оказывает «оживляющее» воздействие на «мир вещей» и процессов. Свобода человека является «трансцендентальным» условием существования мира хозяйствования. «Вещи» и процессы, отраженные в сознании человека, становятся не только ценными, они обретают иное назначение и логику действий. Они создаются, обмениваются, используются в быту и на производстве, воплощая идею экономической категории полезности, с их помощью «творится» культура. Таким образом, являясь частью этого предметного мира, человек в то же время – его необходимый «элемент», источник смысла, благодаря которому рождается природный мир «второго порядка». С другой стороны, в хозяйстве человек опирается на созданный им мир, и это касается не только удовлетворения потребностей. В опоре на мир вещей и процессов формируются представления человека о социуме, об окружающем его пространстве, а также о самом себе. Излишняя «увлеченность» предметным миром (*экономизация*), а также процессами «объективации» (например, как рационально

организовать процесс хозяйствования) приводит к замыканию субъект-объекта на предметно-вещественной стороне хозяйственной реальности. «Индивид не только продает товары, он и себя чувствует товаром», – отмечает эту тенденцию Э. Фромм [9, с. 121]. Не он (субъект) наполняет жизнью, делается «источником», смыслоорганизующим элементом хозяйственной системы, а «вещи» и процессы, в которых он ищет смысл, пытается обрести себя, подчиняясь причинно-следственным связям «природы второго порядка». Бессубъектный предметный мир и мир процессов становятся замкнутой системой, в которой неизбежно нарастает энтропия. «Открытой» ее делает включенная (осознанная) деятельность человека, позволяющая выйти из «причинно-следственных» связей природного мира и мира вещей.

Можно выделить различные формы бессубъектности. Во-первых, это *сетевая бессубъектность* как мнимое представление о существовании единого (объединенного) субъекта, который является воплощением (суммой векторов) отдельных индивидов. Развитие информационно-коммуникационных технологий и технологий анализа «больших данных» позволяет в прямом смысле «визуализировать» действия сетевого (коллективного) субъекта. В маркетинге привычными стали понятия портрета «массового потребителя», «массового зрителя», получаемые путем «наложения» (пересечения) действий (мнений) отдельных индивидов. В образовании набирают популярность сетевые формы обучения, то есть обучение группой, через обмен мнениями, информацией, оценками, установление истины через непрерывный процесс всеобщей коммуникации. «Вершина» сетевого субъекта – человечество, еще до появления теории информационной эффективности, становится частью дискурса о хозяйстве, в особенности в контексте теории прогресса. Психологические аспекты восприятия индивида сетевой бессубъектности колеблются от ощущения себя «винтиком большого механизма» до причастности к «великому» (ньютоновская вариация «стоя на плечах гигантов»).

Экономическое содержание *мифологической* бессубъектности наилучшим образом выражается в широком распространении рационального мыслительного выбора. К концу XX века он стал характеризоваться лаконичным акронимом RREEMM (рус. перевод: «изобретательный, испытывающий ограничения, имеющий ожидания, оценивающий, максимизирующий человек») [14, p.739]. Мышление (продуцирование идей) как первичное действие по отно-

шению ко всей хозяйственной деятельности может быть основано не только на свободной причинности, но и метафизических конструктах, манипулятивных моделях, облегчающих восприятие, автоматизирующих реакцию и упорядочивающих хозяйственную деятельность. Такое неосознанное принятие решений (выставление оценок), которое в различных вариациях может быть модой, стереотипом, неосознаваемой установкой, является вариацией мифического мышления, о котором Леви-Стросс писал: «мифы думают о людях без их ведома» [5, с.21]. Бессубъектное мифологизированное пространство характеризуется ограниченностью рецепторов познания окружающего мира и является одновременно творческим де-катализатором, в особенности, когда мифическое «они» («они решают», «они сделают») становится оправданием невмешательства, безучастного наблюдения за происходящим вокруг. Мифы как понятный «скелет» мира, дает ощущение безопасности, освобождают человека от необходимости проведения дополнительного анализа происходящего, снижает роль критического мышления. Так, современные мифы-конструкты относительно будущего профессионального трудоустройства, несмотря на негативный социальный опыт, продолжают формировать «модельно-рациональные» установки, то есть являются аффектами. Имея в основе идею рационального выбора профессии (например, приоритет будущей заработной платы, или личный успешный профессиональный опыт), они формируют поле неосознанного выбора направления и формы участия молодого поколения в системе общественного воспроизводства.

Третью форму бессубъектности можно обозначить как бессубъектность инструментальную. Она проявляется, когда калькулятивное мышление (М. Хайдеггер) индивида мешает его творческой самореализации. Разновидность инструментальной бессубъектности – софистика, когда целью искусства споров стало достижение победы в споре, а не установление истины. Растворяясь в связях и формах, структурно-функциональной стороне мира (Э. Дюркгейм), индивид обращается к механической коммуникации. В контексте хозяйствования такая деятельность не создает добавленной стоимости. Сюда можно отнести спекуляцию на финансовых рынках, постоянное перераспределение прав собственности на уже созданный общественный продукт.

Бессубъектность в экономической эпистемологии вскрывает амбивалентность экономики как «гуманитарно-математической» дисциплины, в ко-

торой человеческое воспринимается не как потенциал для трансцендирования, а как материал для эксплуатации и потребления. Непознаваемость, закрытость человека-объекта для экономической науки превратили его в «холодную статую», или математическую модель, где лишь формальные (внеэмоциональные) признаки были призваны раскрывать содержание. Формальное легко считается и, возвращаясь обратно к предмету счета (перформативность), превращает его еще в более застывший истукан. Примером может служить повсеместное внедрение в практику управления персоналом (организацией) ключевых показателей эффективности (от англ. KPI, key performance indicators), с помощью которых система стратегического управления организацией и достижения поставленных целей, становится прозрачной и исчисляемой. Однако несмотря на утверждение об использовании качественных показателей эффективности, наряду с количественными, на практике преимущество отдается тем критериям оценки работы персонала, которые легко встраиваются в многофакторную финансовую модель организации и могут быть исчислены, исследованы в динамике, в сравнении со средними, нормативными значениями. Как результат – внедрение систем KPI приводит к изменению самой сути бизнес-процессов организации. Труд становится формальным, краткосрочные цели – приоритетными. Прозрачность (понятность) управления, таким образом, достигается путем повсеместной рационализации процессов и целей хозяйствования, что затрудняет цельное понимание происходящего.

Вне зависимости от классификации бессубъектность представляется не самостоятельным, но ситуационным феноменом, связанным с ракурсом оценки предмета исследования. Как говорил Фуко: «До конца XVII века человек не существовал. Как с легкостью показывает археология мысли, человек – это изобретение недавнего времени. И, возможно, скорое ему придет конец» [10, с.404]. Постмодернистская бессубъектность, провозглашенная Р. Бартом, совпадает с нарастанием бессубъектности экономических процессов, что косвенным образом характеризует их онтологический характер, результат эволюции отношений человека с реальностью. Бессубъектность, в определенном смысле и в разной степени, но всегда, есть антисубъектность. Наличие динамики бытия без присутствия в нем субъекта – признак антидинамики, или, контрдинамики, то есть движения,

направленного на аннигиляцию смыслов. В этом контексте современная экономика представляется как пространство антисубъектности, ведь целенаправленное избегание «человека», его деонтологизация становится основным мотивом экономических отношений.

Преодоление отдельных форм бессубъектности лежит в пробуждении человеческого осознанного, и путь его лежит «изнутри-наружу». Таким образом, в современной экономической и коммуникативной ситуации будущее определяется новым статусом личности и ее рефлексии по поводу императивов со стороны общественного сознания. Самосовершенствование, самопознание, саморазвитие должны подразумевать не только навыки реализации экономических инициатив, но – сегодня в коммуникативной экономике это особенно актуально – и навыки противодействия навязанным принципам, декларирующим бессубъектность как нравственный принцип.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Адорно Т. О технике и гуманизме // Философия техники в ФРГ. М. 1989.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Азбука, 2015.
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.
4. Колпаков В.А. Экономика и этические проблемы капиталистических стран // Вестник воронежского государственного университета. Серия: философия, 2015. № 4(8).
5. Леви-Стросс К. Мифологии: Сырое и приготовленное. М.: Free Fly, 2006.
6. Руденко А.М. Человек, свобода, бытие: философско-антропологический анализ // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4.
7. Фортунатов А.Н. Перформативный характер современной коммуникации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2009. № 1.
8. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Издательство АСТ, 2017.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сad, 1994.

11. *Чепьюк О.Р.* Экономические кризисы: императив без адресата // Философия хозяйства – журнал Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2016. №6 (108).
12. *Эпштейн М.* Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда. 1999. №. 11.
13. *Callon M.* What does it mean to say that economics is performative? // Do economists make markets? / Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University press, 2007.
14. *Lindenberg S.* Homo socio-economicus: The emergence of a general model of man in the social sciences // Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE) / Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1990. Vol. 146. № 4.
15. *MacKenzie D., Millo Y.* Constructing a market, performing theory: The historical sociology of a financial derivatives exchange // American journal of sociology. 2003. Vol. 109. No 1.

R E F E R E N C E S

1. *Adorno T.* About technology and humanism // Philosophy of technology in Germany. M. 1989.
2. *Berdyayev N.A.* Self-knowledge. M.: Azbuka, 2015.
3. *Bulgakov S.N.* Philosophy of economy. M.: Nauka, 1990.
4. *Kolpakov V.A.* Economics and ethical problems of the capitalist countries // Bulletin of Voronezh State University. Series: philosophy, 2015. No 4 (8).
5. *Levi-Strauss K.* Mythologies: raw and cooked. M.: Free Fly, 2006.
6. *Rudenko A.M.* Man, freedom, being: philosophical and anthropological analysis // The Humanities and social sciences. 2017. No. 4.
7. *Fortunatov A.N.* Performative character of modern communication // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky, 2009. No 1.
8. *Fromm E.* The soul of man. M.: Republic, 1992.
9. *Fromm E.* Flight from freedom. Moscow: AST Publishing House, 2017.
10. *Fuko M.* Words and things. Archeology of the humanities. St. Petersburg: Acad, 1994.

11. *Chepyuk O.R.* Economic crises: an imperative without an addressee // *Philosophy of Economics – Journal of the Center for Social Sciences and the Faculty of Economics of Moscow State University*. M.V. Lomonosov Moscow State University. 2016. No 6 (108).
12. *Epstein M.* Information explosion and postmodern trauma // *Star*. 1999. No. 11.
13. *Callon M.* What does it mean to say that economics is performative? // *Do economists make markets?* / Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University press, 2007.
14. *Lindenberg S.* Homo socio-economicus: The emergence of a general model of man in the so-cial sciences // *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE) / Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. 1990. Vol. 146. № 4.
15. *MacKenzie D., Millo Y.* Constructing a market, performing theory: The American sociology of sociology. 2003. Vol. 109. No 1.

19 июня 2018 г.